

Экран светился, открытый на окне переписки.

На аватарке собеседника был один из младших подручных Чу И — Сунь Мiao. Сюй Ман его помнил.

В переписке было больше десятка сообщений от Сунь Мiao: похоже, тот пытался срочно связаться с Чу И.

Но взгляд Сюй Мана намертво приковало самое последнее сообщение.

Это была фотография.

На снимке красивый мужчина с мягкими чертами и спокойной внешностью выходил из чёрного роскошного автомобиля с плавными линиями кузова.

По фигуре и лицу было нетрудно понять, что он омега. Сейчас он слегка повернул голову и с чуть застенчивой улыбкой смотрел на человека рядом.

А рядом стоял высокий мужчина и заботливо придерживал для него дверцу. На фото попала лишь стройная спина, но дорогой костюм, широкие плечи и узкая талия не оставляли сомнений: это альфа.

Красивый нежный омега и обходительный альфа.

В любой другой ситуации Сюй Ман, увидев такую фотографию, непременно присвистнул бы и отпустил шуточку о том, как они хорошо смотрятся вместе.

Если бы только омегой на снимке не был супруг Чу И...

Слова мгновенно застряли у Сюй Мана в горле. Он не смог выдать ни звука.

Костяшки пальцев Чу И, сжимавших телефон, от чрезмерного усилия побелели с синевой.

□Сунь Мiao: Брат И, смог сделать только один снимок. Рядом с тем альфой охранники, близко не подпускают...□

Пришло ещё одно сообщение.

Чу И молча смотрел на экран.

В конце концов он деревянно поднял палец и набрал три иероглифа:

□Понял.□

Затем погасил экран и убрал телефон в карман.

Сюй Ман цокнул языком. Во рту вдруг стало сухо.

Он хотел выругаться, но посмотрел на мёртвое выражение Чу И и проглотил все слова.

Насколько Чу И дорожил супругом, которого с таким трудом сумел привести домой, Сюй Ман знал лучше всех.

Если уж говорить неприятную правду, тогда, в глазах Сюй Мана, Чу И действительно вёл себя как образцовый «лизоблюд» — бегал за любимым хвостиком и был готов на всё.

Когда-то Сюй Ман и уговаривал его, и ругал. Но теперь всё было иначе: Чу И уже женился на любимом и привёл его домой. Любые слова только сильнее ранили бы его.

Помявшись, Сюй Ман смог выдавить лишь сухое:

— Может, тут какое-то недоразумение... Ты сначала домой вернись и всё спокойно спроси.

Чу И медленно кивнул. Губы его побледнели.

Он поднял глаза на Сюй Мана. Голос был хриплым до невозможности.

— Брат, я тогда... сначала домой поеду.

— Да, да...

Сюй Ман закивал. Он хотел было утащить Чу И выпить и дать ему выпустить пар.

Но тут же вспомнил: раньше они уже делали так не раз, а толку получалось немного. Лучше уж оставить Чу И одного, чтобы тот остыл.

Глядя ему вслед, Сюй Ман сморщил лицо, почесал голову и в конце концов только выругался:

— Вот же мразь!

Чу И вроде бы шёл, но двигался очень быстро.

Он рывком распахнул дверцу машины, сел за руль. Двигатель взревел.

Чу И до боли сжал руль; на тыльной стороне рук вздулись синие жилы. Педаль газа он вдавил до упора.

За окном позолоченный мир богатства и власти стремительно остался позади.

Яркий неон и небоскрёбы вытянулись и исказились, превратившись в смазанные полосы света, которые с бешеной скоростью уносились назад.

Окружение менялось на глазах: блеск и роскошь района Янтарного уступили знакомому ему старому, беспорядочному миру, пропитанному желаниями.

Он вернулся в квартал красных фонарей.

На перекрёстке впереди загорелся красный.

— И-и-и!

Резкий визг тормозов разрезал ночь. Шины оставили на шершавом асфальте чёрный след.

Машина едва успела остановиться перед зеброй.

При тусклом жёлтом свете уличных фонарей Чу И увидел в зеркале заднего вида собственное лицо — мрачное до пугающего.

Грудь тяжело ходила вверх-вниз. Сдерживаемое до предела дыхание в тесном салоне звучало особенно громко.

В следующую секунду он больше не выдержал, и из горла вырвался низкий рык:

— Блядь!

Кулак с силой обрушился на руль.

.....

В конце концов машина остановилась у старого, обшарпанного жилого дома.

Чу И не вышел сразу. Он поднял голову и посмотрел на знакомое окно пятого этажа.

Там горел свет.

Кто-то был дома.

Лицо Чу И потемнело.

Примерно десять дней назад, тоже поздним вечером, он вернулся домой и почувствовал на супруге чужие феромоны.

Запах был очень слабым — запах снега: холодный и свежий, но при этом неожиданно агрессивный.

Такие феромоны могли принадлежать только альфе.

Теперь этот запах почему-то идеально сочетался в воображении с мужчиной на фотографии.

Тогда Бай Чжици лишь с улыбкой сказал, что случайно пропитался чужим запахом на работе.

Чу И поверил.

Но спустя несколько дней один из младших сообщил, что видел его супруга на прогулке и за едой с богатым альфой на дорогой машине.

Чу И не поверил.

Однако ещё несколько дней подряд он то и дело замечал тот слабый чужой запах, а сегодня получил от Сунь Мяо фотографию...

Все кусочки складывались в ответ, о котором Чу И боялся даже думать.

Злость горела в нём всю дорогу, но теперь, оказавшись у дома и понимая, что вот-вот придётся встретиться с тем человеком лицом к лицу, он обнаружил, что даже смелость спросить куда-то исчезает.

Может... может, это и правда недоразумение?

Он повторял это про себя снова и снова.

То, что Бай Чжици вышел из машины, ещё ничего не доказывает.

Они просто поели вместе — и это тоже совсем не обязательно означает то, о чём все подумали.

Чу И долго стоял у дома. Лишь когда сигарета догорела до конца, он наконец заставил себя сделать деревянный шаг и подняться наверх.

Вот и дверь их квартиры.

За этой знакомой дверью был весь его мир.

Чу И протянул руку, собираясь ввести код.

Щёлк.

Дверь внезапно открылась изнутри.

Перед глазами Чу И без предупреждения появилось красивое нежное лицо.

Его зрачки дрогнули.

Собеседник явно тоже не ожидал увидеть его прямо за дверью. По тонким чертам скользнуло явное удивление.

— А-И?

Услышав этот голос, Чу И с трудом растянул губы и выдал из горла два слога:

— ...Чжици.

Бай Чжици.

Так звали его супруга — источник всего счастья первой половины жизни Чу И.

Он не мог удержаться и взглядом медленно обвёл омегу с головы до ног.

Бай Чжици явно тщательно нарядился.

Молочно-белый кашемировый свитер отличного качества подчёркивал прозрачную светлую кожу и чистую, мягкую внешность.

Волосы омеги были мягкими, черты — словно нарисованными. От него исходил свежий сладковатый запах апельсиновых феромонов, смешанный с ароматом явно недешёвых духов.

Когда-то семья Бай находилась на вершине.

Бай Чжици, младший омега, которого в семье растили как драгоценность, даже после разорения не утратил врождённой изысканности.

А после свадьбы Чу И и вовсе не позволял ему терпеть ни малейших лишений.

Сейчас Бай Чжици спокойно стоял в тёплом жёлтом свете квартиры и совсем не походил на человека, живущего в таком хаотичном месте, как квартал красных фонарей.

Он скорее выглядел как молодой омега из настоящего высшего света, которого всю жизнь холили и лелеяли.

Собственно, когда-то так и было.

Пальцы Чу И у бедра незаметно сжались. Боль от впившихся в ладонь ногтей немного вернула ему рассудок.

Он натянул улыбку.

— Уже так поздно... — голос прозвучал ужасно хрипло. — Ты так красиво нарядился. Куда-то собираешься?

— Правда? Красиво?

Услышав похвалу, Бай Чжици мгновенно прищурился, и глаза превратились в два прекрасных полумесяца.

Улыбка была совершенно искренней, полной радости от похвалы любимого человека. Ни тени вины или притворства.

<http://bllate.org/book/19828/1952576>